

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ВРЕМЕНИ

Автор: Ю. В. АРУТЮНЯН, Л. М. ДРОБИЖБВА

АРУТЮНЯН Юрик Вартанович - член-корреспондент РАН

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна - доктор исторических наук, руководитель Центра исследований межнациональных отношений Института социологии РАН.

Этносоциология в ее современной архитектонике стала формироваться с конца 1960-х гг. Появилась она не на пустом месте: ее давние посылки обозначились в российской науке в начале прошлого столетия, прежде всего в работах П. Сорокина, а за рубежом это направление органически связано с исследованием У. Томаса и Ф. Знанецкого, труд которых был посвящен полякам в Европе и Америке [1]. На наш взгляд, ближе других к сложившейся в 1970 - 80-е гг. в отечественной этносоциологии были исследования А. Инкелеса и Д. Смита, но в их проектах сравнивались не этнические общности, а жители разных континентов, что далеко не всегда совпадает с этническими границами [2].

Большинство социологических исследований связано с иными научными дисциплинами. В этносоциологии это особенно очевидно. Первое исследование, репрезентативное для этнических групп Татарии, было многоаспектным [3]. Межнациональные отношения в нем были одним из предметов изучения. И понятно почему. Связь социального и этнического проявляется в разных сторонах жизни и не сводится к межнациональным отношениям. В этносоциологических исследованиях всегда ставилась цель вскрыть систему зависимостей между социальными и этническими факторами во всех сферах жизни, с одной стороны, и межнациональными отношениями - с другой, найти в этнически маркированном социальном пространстве значимые закономерности и противоречивые стороны. Кратко говоря, *этносоциология* изучает этнические аспекты развития социальных общностей. Ее исследовательское поле сфо-

кусировано на том, насколько национальность ассоциируется с другими социальными делениями - социальными, экономическими, культурными, политическими.

Естественно, большинство понятий в этносоциологии формируется из арсенала научных направлений, изучающих конкретные сферы общественной жизни. Это отражается в системе таких понятий, как "этносоциальная структура", "этносоциальное неравенство", "этнические установки", "этнические стереотипы" и т.д. Конечно, есть понятия, которые используются главным образом в этносоциологии (например, этноцентризм). Особенность этносоциологии - *комплексный* междисциплинарный характер, фиксируемый в названии этого направления, что сходно с естественными науками, где так же обозначаются междисциплинарные направления - биохимия, биофизика и т.д. И это накладывает отпечаток на методологию.

О методологических подходах

Начиная с 1960 - 80-х гг. в связи с усилением значимости этничности в США и в Европе в науке шли дискуссии, пересматривались подходы к пониманию самого этнического феномена [4]. Этносоциологи, работавшие в основном в сфере социальной практики, а именно так формировалось это направление с конца 1960-х г. в советский период, мало были озабочены теоретическим обоснованием используемых в исследованиях концепций. Возможно, это было связано со временем, когда все ученые в социальных науках придерживались одной - марксистской - концепции. Сейчас, когда идут острые споры вокруг понимания этничности [5] среди политологов, социальных философов, этнологов, социальных антропологов, четче позиционировали себя и этносоциологи, в том числе и в понимании объекта своих исследований.

Как и в других социальных науках, за рубежом и в нашей стране есть и решительные сторонники новых конструктивистских подходов к этничности [6], и не согласные с ними [7]. Споры между сторонниками *примордиализма* и *конструктивистами* идут давно. Конструктивистские объяснения появились тогда, когда этничность проявляла себя в формах, требующих новых или дополнительных объяснений.

Макс Вебер, на работы которого не обращалось внимания в отечественной этнологии, а в социологии они рассматривались в связи с другой тематикой, полагал, что фактором формирования и функционирования этнических групп являются "субъективные убеждения", "субъективная вера", что "не имеет значения, существует или не существует реально общность по крови", убеждения важнее реального родства. Коллективные представления, считал он, возникают из-за культурного сходства, сходства во внешних чертах или какой-то исторической памяти (миграция, колониализм). С одной из основных идей М. Вебера о ценностях связана солидарность, этническая гордость, честь [8]. В. Коротева и Э. Паин обратили внимание на то, что подобные взгляды почти в то же время высказывал американский историк К. Хэйес. Но они тогда в науке не были распространены, в 1970 - 90-е гг. стали востребованными из-за "политического спроса на идеи такого рода" [9].

Этносоциологам легче, чем представителям других наук, учитывать новые подходы в понимании этничности в силу предмета их изучения. Как отмечается в книге "Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества", этносоциологи "в силу самого предмета изучения ... интуитивно понимали значимость конструктивистской концепции" [10]. Анализируя роль интеллектуалов, профессионалов в конструировании национализма в 1990-е гг. в книге "Этничность и власть в политических государствах", мы еще раз подчеркнули, что требуется интеграция подходов [11]. Это стремление было продиктовано крайностями интерпретаций как конструктивизма, так и структурализма.

Понятны были причины растущей популярности конструктивизма в нашей стране после открытых этнических вызовов и распада СССР, но очевидным становилась и упрощенная интерпретация его. То, что было освоено и вошло в политическую прак-

тику (поиски этнической мобилизации), касалось именно "политического конструктивизма" [12]. Сама концепция конструктивизма намного сложнее и более открыта для синтеза с другими подходами. В этом убеждает интервью профессора Т. Лукмана "Журналу социологии и социальной антропологии" [13]. В нем он сказал, что П. Бергер, его соавтор по книге "Социальное конструирование реальности", которую часто приводят как пример конструктивистской концепции, "не является конструктивистом. Особенно в том смысле, который нынче так распространен". Что касается упомянутой концепции, то она "избирательно и эклектично основывалась на основных идеях антропологических работ Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии М. Вебера и, конечно же, социальной психологии Дж. Мида. Теоретическим обоснованием предложенного нами синтеза является феноменология жизненного мира, разработанная Гуссерлем и Шютцем."

А. Шютц писал: "Наблюдаемое поле social scientist, научная реальность, имеет специфические смысл и структуру соответствия для живущих, действующих и мыслящих в ней человеческих существ. Путем серии построений здравого смысла они предварительно отобрали и проинтерпретировали этот мир, который ими воспринимается как реальная повседневная жизнь. Именно эти мысленные объекты определяют их поведение, мотивируя его. Мысленные объекты, сконструированные обществоведом для того, чтобы понять социальную реальность, должны базироваться на мысленных объектах, сконструированных здоровой мыслью людей, живущих своей обыденной жизнью, в своем социальном мире. Таким образом, конструкции социальных наук являются, так сказать, конструкциями второго порядка, конструкциями конструкций, созданных актерами на социальной сцене" [14]. П. Бурдьё, размышляя об объективистском и субъективистском подходах, делал вывод: "оба подхода ... находятся в диалектической связи". Он называл этот синтезирующий подход "конструктивистским структурализмом или структуралистским конструктивизмом" [15]. Именно исходя из такого подхода, этнополе понимается, с одной стороны, как часть социального пространства (подчеркнем при этом, что это относительно устойчивая, подвижная, меняющаяся часть, "конфигурация социокультурных процессов, практик (структура)"), а с другой - как результат социального конструирования структуры людьми, приобретающий характер структуры по отношению к входящим в него индивидам [15, с. 159].

С учетом сказанного можно заключить, что предметом этносоциологии как раз и является изучение того, как и почему интеллектуальные конструкции превращаются в социальные конструкции, которые ориентируют поведение людей, деятельность социальных институтов.

Большинство людей сохраняет представление, что существуют народы как этнокультурные общности, и они себя идентифицируют соответствующим образом. Социологическими исследованиями в различных проектах фиксировалось, что идентификация с этнической общностью является одной из идентичностей, но недостаточно устойчивой и массовой [16].

Однако, видимо, стоит уточнить наши подходы. В. А. Тишков пишет, что Ю. В. Арутюнян, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижина интерпретируют этническую идентичность "как неотъемлемую психологическую часть "я", а ее изменение - как неестественное и навязанное человеку" (психокультурная интерпретация этничности в рамках примордиализма) [17]. Никто из нас такого не писал. В проекте "Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов" [18] для изучения уровня этнической идентичности был использован тест Куна - Макпартленда. Интервьюируемого просят ответить на вопрос "Кто я", совсем никак не упоминая об этнической идентичности. На репрезентативных выборках было установлено, что, как правило, этническая идентичность не является первостепенной, она уступает так называемым базовым идентичностям (отец, мать, дочь, сын, мужчина, женщина, профессия и т.п.). Мы обращали внимание на то, что этническая идентичность актуализируется в сложных этноконфликтных ситуациях. Например, она была выше у осетин и русских в Северной Осетии после вооруженных столкновений с ингушами.

Чем этот вывод отличается от того, что пишут исследователи, причисляющие себя к последовательным конструктивистам? "...Достаточно понимания этничности как частичной идентичности, которая вместе с другими частичными идентичностями связана с определенным ролевым регулятором", - пишут В. Воронков и И. Освальд в предисловии книги "Конструирование этничности" [19].

Изучая распространенность и интенсивность этнической идентичности (допускается, что она может быть высокой, средней, низкой или вообще отсутствовать), в упомянутом проекте по этнической идентичности мы ставили вопрос, который поднимался в исследованиях Института социологии РАН (под руководством В. А. Ядова и В. А. Мансурова): про кого человек мог бы сказать, что "это - мы". Вариант ответа "люди моей национальности" "паковался" среди других значимых идентичностей: "люди моего поколения", "люди того же достатка, как и я" и т.п. Ответы на этот вопрос фиксировали, что большинство людей иногда или часто идентифицируют себя с людьми той же, что и сами, национальности, а некоторые никогда (такие случаи не были частыми). Исследования показывали изменения в зависимости от социально-политической ситуации, напряжений, конфликтности, возможности социальной мобильности, участия во власти [20]. При исследовании армян в разных этноконтактных средах подтверждалась динамичность этнической идентичности людей в зависимости от места проживания, длительности жизни в иной этнической обстановке, социальной среды общения [21].

Сторонники конструктивизма в понимании этничности фиксируют внимание на меняющихся представлениях о группе, на дрейф идентичности [22]. Многие исследователи изучали, почему конструируется или деконструируется этничность, кто и в чьих интересах это делает. В этом отношении интересы ученых, работающих в разных направлениях социологии, совпадают [23]. Как идеологемы встраиваются в сознание групп элитой, представляющей интересы федерального центра и позиционирующей себя выразителями интересов этнически ориентированных групп, интересовало всех, но важно показать, какие идеи воспринимаются конкретными группами и почему. Причинно-следственные связи этого процесса были предметом этносоциологических исследований.

Итак, жесткая "прописка" исследователей по направлениям достаточно ответственна, нередко условна. И не важнее ли сосредоточить внимание на соотношении идеологий и социальных практик, возможностях и пределах мобилизации и манипуляции массовыми чувствами, реальности сконструированного этнического, национального, их значимости и смыслов в сознании социальных групп, точности интерпретации конкретных явлений и процессов?

Направления исследований

Предметное поле этносоциологических разработок с самого начала сложилось как очень широкое. Основные направления были определены уже в первых исследованиях, проведенных в 1970 - 80-е гг. в Эстонии, Молдавии, Грузии, Узбекистане, Российской Федерации. Это - социальная структура и мобильность в этнических общностях; этномиграционные процессы; взаимодействие современной и традиционной культуры в этносоциальном развитии; социальные аспекты языковых взаимодействий; этносоциальные аспекты семейно-бытовых отношений; этническая идентичность и межэтнические отношения. Следует отметить: в советский период этносоциология если и не вскрывала все противоречия в этносоциальном пространстве общества, то, во всяком случае, глубже и конкретнее, чем другие научные дисциплины в этой сфере, отражала реальные жизненные практики, в которых люди чувствовали свою этническую принадлежность.

Этносоциологические исследования показали реальные возможности людей разных национальностей в социальном продвижении. Темпы социального роста у многих

национальностей в советский период были выше, чем у русских, и сближение показателей социального статуса народов по номинальному признаку, фиксируемому переписями, имело место. Но это сближение не означало автоматического улучшения отношений между людьми разных национальностей. Конкурентность, наоборот, возрастала. И именно этносоциологи пытались показать признаки возрастающих напряжений. За десятилетия до начала эпохи перестройки начался отток русских из столиц закавказских республик. В республиках Прибалтики социальное продвижение русских и эстонцев, латышей, шло вместе и вровень, но из-за этого обострялись конкурентные отношения, прежде всего, в сфере науки, образования и даже среди работников квалифицированного физического труда. Ведь русские чаще работали на крупных предприятиях, которые имели свой жилой фонд, более широкие возможности для отдыха работников и их детей, а эстонцы трудились в основном на средних и мелких предприятиях, которые таких возможностей не имели. Именно в этих республиках накапливался "порох" для будущей мобилизации на этнической почве [24].

Изучая этнические стереотипы и установки на контакты в трудовой сфере и неформальном общении, этносоциологи, вопреки имевшимся представлениям о дружбе народов, показывали реальные зоны накапливавшихся противоречий. В Ереване негативные стереотипы у армян в отношении азербайджанцев, а у последних в отношении армян были настолько очевидными, что материалы об установках приходилось давать только через индексы. Также через индексы, беря за единицу положительные установки среди квалифицированных рабочих, рассчитывали отклонения, которые имели место среди интеллигенции [25]. Внимательные читатели могли найти все это в открытой печати, тем более об этом было известно в "директивных", как тогда говорили, органах.

В советское время политики, историки, работавшие в области научного коммунизма, писали, что этнически смешанные коллективы - лучшее место для воспитания интернационализма. А этносоциологические исследования показывали, что благоприятные межэтнические установки и стереотипы зависят от ситуации, и в многонациональных городах, прежде всего, молодых, отношения часто сложнее, особенно там, где высокий и быстрый приток инонациональных жителей. Это было видно и по опыту ситуации в г. Набережные Челны, Альметьевске в Татарстане.

Таким образом, к началу перестройки именно социологи обозначили возможные проблемные ситуации межэтнических напряжений. Противоречия и напряжения, хотя и нарастают, могут, как показывают исследования, различными способами регулироваться, пока существует крепкая центральная власть. Но когда легитимность ее теряется, срывается закономерность - появление открытых этнических вызовов, т.е. то, что и произошло у нас во времена М. С. Горбачева. Политическая элита использует длительно накапливавшиеся социальные недовольства и реализует мобилизацию по этническому принципу. В 1990-е гг. - в период национальных движений и этнополитических конфликтов - этносоциологи показали основные движущие силы этих социально-политических акций, роль состава элитных групп, возглавлявших движения, от которых во многом зависела насильственная или ненасильственная форма конфликтов, типы национальных движений.

В мировой науке были выделены - на основе опыта XIX и XX вв. - так называемые западный и восточный тип национализма (по Х. Кону), которые впоследствии другими исследователями обозначались как гражданский и этнический. Однако опыт нашей страны так же, как других стран, во второй половине XX в. показывал, что и тот, и другой национализм может быть разным, в зависимости от целей и способов их достижения.

Анализ идеологием, формулируемых элитами, политики и социальной практики в регионах СССР и затем России дал основания выделить в ходе этносоциологических исследований несколько типов *национализма*. Кроме классического типа национализма, когда ставилось целью достижение полной государственной независимости (сецессия), как, например, в Эстонии, Литве, Латвии, имели место и другие варианты,

например, экономический, культурный, когда идеологи и политики стремились добиться большей самостоятельности в сфере управления ресурсами или сохранения и развития языка и культуры титульной национальности. Такие цели выдвигались лидерами национальных объединений в ряде российских республик (Татарстан, Башкортостан, Тува, Якутия).

Был и так называемый "защитный национализм", когда основные идеи, политика и действия фокусировались вокруг охраны территории, например, в Северной Осетии или Ингушетии. Этносоциологические исследования показывали, насколько массовыми были эти настроения, насколько широко распространялись эти идеи, как велика была готовность защищать их и в чем были причины того, что в дальнейшем большинство отказалось от борьбы за эти цели [см. 20, 23 и др.].

Изучая *этнические конфликты*, социологи, этнополитологи (А. Дмитриев, В. Дятлов, Э. Паин, С. Рязанцев и др.) и антропологи (В. Тишков, А. Ямсков) анализировали их социальные основы, движущие силы и ответственность элиты на разных стадиях конфликтов [26]. Только разносторонний анализ мог объективно вскрывать сложные конфликтные ситуации в Чеченской республике, Абхазии, Южной и Северной Осетии, в Приднестровье, где имели место вооруженные действия, в Дагестане, Туве, Татарстане и других районах страны. Этносоциологические исследования конфликтных ситуаций не сводили объяснение их только к одному фактору - вине политических антрепренеров. Ответственность последних очевидна, но объяснение конфликтов с учетом расстановки социальных сил, интересов групп, психологических факторов позволяло предложить власти более объективное их видение и более эффективные способы регулирования.

В современных условиях этносоциологи призваны глубоко исследовать постконфликтные ситуации. Это не только изучение социально-конкурентных сфер взаимодействия в регионах Северного Кавказа, Тувы и других территорий, но и, к примеру, последствий миграционного оттока русских из этих регионов и притока в города избыточной рабочей силы тех национальностей, которые в районах своего основного проживания не могут найти достойной работы. Ученые в регионах (В. Авксентьев, Х. Дзуцев, В. Петров, М. Савва, З. Анайбан) осуществляют достаточно представительные исследования, адекватно отражающие постконфликтные ситуации. К сожалению, пока не удавалось скоординировать эти исследования с изучением травматических последствий конфликтов в центре, особенно в крупных городах - Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и др.

Новые политические и экономические реалии после распада Союза и формирования новых социальных отношений изменили контексты взаимодействия людей разных национальностей и даже условные символические позиции народов.

Русские, составлявшие в СССР 51% населения страны, стали в Российской Федерации преобладающим большинством, но символического подтверждения статусных позиций "старшего брата" уже не ощущали, а многие слышали обвинения в адрес своего народа не только в государствах, бывших ранее союзными республиками, но и на территории России. Во многих республиках РФ русские, даже будучи численно не меньше представленными в составе населения, среди руководителей, управленческого аппарата, в представительных органах стали занимать (в какой-то мере из-за незнания языка) вторые позиции [27].

Травматические трансформации, которые испытывали все граждане бывшего СССР, для русских усугублялись дополнительными психологическими переживаниями, которые позволяли говорить даже о кризисе самосознания русских. Данных об этом статистика не давала. Материалы же социологов (прежде всего, Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения) содержали показатели о социальном самочувствии населения страны. Этносоциологи анализировали динамику развития социальных слоев в разных этнических средах. Оказалось, что в первые годы после распада Советского Союза у национальностей, давших названия российским республикам, кризисные состояния в трудовой сфере и в жизненных ситуациях в ка-

кой-то мере компенсировались дискурсом о национальном возрождении или отменой "пятого пункта" - снятием фиксации национальности в паспортах, - стимулирующим представлением "все - граждане России". Русские же острее воспринимали травматическую трансформацию изменения своего национального статуса, потери прежней роли страны на мировой арене и т.д. Это психологическое состояние, как показывали исследования, отражалось на их социальном поведении. Добавим, что изменения в социальных позициях русских в государствах - бывших союзных республиках СССР были еще более заметны, а их психологическое самочувствие - сложнее, что зафиксировано этносоциологическими исследованиями [28].

Этносоциологические исследования в республиках РФ, когда стали преодолеваются кризисные явления (конце 1990-х - начале 2000-х гг.), зафиксировали изменения в позитивную сторону в самочувствии людей. Но последствия травмы нередко стимулировали рост ксенофобских настроений [29]. Социологи вместе с этнополитологами и этнологами связывали рост таких настроений с высоким и быстрым притоком иноэтничных мигрантов, особенно в крупные города и приграничные территории. Антимигрантские настроения росли в условиях глобализации во всем мире. И российские социологические службы (например Левада-центр), изучающие общественные настроения, отмечали этот процесс. Этносоциологи, опираясь на данные исследований, проанализировали социально-конкурентную ситуацию и психологические состояния контактируемых этнических групп (страхи от необходимости взаимодействия с "чужими", чувства потери своего территориального пространства) и т.д. [30].

Особую озабоченность вызывает рост этнических предрассудков в молодежной среде. Исследования среди школьников Москвы (рук. В. Д. Шапиро), казанских ученых (рук. Р. Н. Мусина) и др. зафиксировали неблагоприятные тенденции к этнической закрытости среди молодых людей как русской, так и других национальностей, и даже готовности части их к использованию насилия. Осуждение общественности получили случаи нападения на людей с Кавказа и Средней Азии в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, некоторых других городах. По данным социологических исследований (2006 г.), несмотря на то, что удовлетворенность жизнью в целом возросла у 65,7% опрошенных (а среди молодежи - 74,6%), уровень беспокойства высокий, что в немалой мере связано с состоянием этнической тревожности. Уровень беспокойства о том, что могут быть жертвой нападения, зафиксировано более чем у 60% респондентов [31]. Факты свидетельствуют, что тревоги и беспокойства ситуативны, но анализ ситуаций требует постоянного мониторингового исследования.

Актуальными проблемами, особенно для крупных городов, остаются расколотый рынок, различия в занятости, оплате труда и, следовательно, уровне жизни работников разной этнической принадлежности из среды мигрантов. Нельзя сказать, что они совсем новые для этносоциологов. С советских времен на конкретных территориях они изучали занятость людей контактирующих национальностей в разных отраслях производства. Но тогда оплата труда зависела главным образом от образования и квалификации работников. На более престижные работы с достойной оплатой попадали люди тех национальностей, которые в большинстве проживали в городе, имели больше возможностей для получения образования и профессиональной подготовки [32]. Поэтому наши рекомендации управленческим структурам сводились к тому, чтобы социальная поддержка оказывалась не по национальному признаку (за исключением малочисленных народов), а по условиям жизни - сельской молодежи, жителям северных территорий и т.п.

Сейчас с мигрантами положение другое. Даже имея высокую квалификацию, они нередко готовы работать за низкую оплату или в худших производственных условиях. И это неравенство восприятия положения мигрантов дополняется неблагоприятными этническими стереотипами ("Что они могут", "Да эти возьмутся работать за любую цену"). О существовании таких видов неравенств известно, но меру, форму их распространенности применительно к людям разных культур ещё предстоит конкретно изучать в каждом регионе (на Дальнем Востоке, в Петербурге, Москве это уже делается).

В трудовых отношениях многое зависит от распространенных в принимающей среде стереотипов мигрантов, но кое-что и от культурных, психологических особенностей. Социологи со времен М. Вебера раскрывают значение культурных факторов в социальной иерархии. Сегодня это особенно актуально с точки зрения приспособления людей из среды разных культур, этнических групп к современному рынку труда. "Различное время доступа к технологической силе (имеются в виду технологии, связанные с информационно-технологической революцией) для людей, стран и регионов является критическим источником неравенства в современном мире", - считает О. И. Шкаратан [33].

К сожалению, качественные характеристики рабочей силы в этнокультурном аспекте изучались в отечественной социологии недостаточно. По косвенным данным, оценку трудовых характеристик в России давал Г. Хофштед [34], но это были измерения по странам. Теоретические подходы и ряд конкретных исследований с учетом этнического компонента были выполнены А. А. Сусоколовым [35]. Ряд измерений - образование, ориентация на тот или иной тип оплаты труда, предприимчивость, достижительность, ценность труда, самостоятельность, ответственность, коллективизм исследовались нами с целью изучения влияния этнокультурных параметров на неравенство в Татарстане, Саха-Якутии, Оренбургской области [36]. Несомненно, для России с достаточно значимыми историко-культурными традициями трудовых навыков работников в регионах страны важны конкретные локальные исследования, в которых заинтересованы не только ученые и политики, но и отечественные и зарубежные инвесторы.

Востребованность этносоциологии сегодня

Этносоциология представляет научное направление, которое не могло пожаловаться на невостребованность достигнутых знаний ни властью, ни обществом. Специалисты в данной области активно взаимодействовали со средствами массовой информации. Это выражалось не только в публикации итогов их исследований, но и выступлениях по злободневным вопросам текущей политической жизни, оценке явлений социальной жизни. С использованием данных этносоциологических исследований велись дискуссии о формировании в поликультурном российском обществе политической нации, давались оценки социально-культурным факторам миграционных процессов, условиям адаптации мигрантов, состоянию толерантности и ксенофобии в обществе. Устанавливается реальное взаимодействие социологов и управленцев по урегулированию сложных ситуаций в городах. Например, в Москве и Санкт-Петербурге приняты специальные программы по регулированию межэтнических отношений, в которых участвуют и этносоциологи.

Наиболее серьезный вклад социологи вносят в формирование общественных настроений через сферу образования. Этносоциология как спецкурс преподается в ряде ведущих вузов страны: в МГУ, Санкт-Петербургском государственном университете, Высшей школе экономики, РГГУ, РУДН, Московской высшей школе социальных и экономических наук, Ростовском госуниверситете и др. Вышло несколько учебных пособий по этносоциологии [37].

Этносоциологи выполняли экспертные работы при подготовке государственных документов, участвовали в обсуждении вопросов, выносимых в Государственной Думе РФ на парламентские слушания, участвовали в подготовке изменений в миграционной политике, оценке конкретных конфликтных ситуаций в регионах страны. Важную работу по снятию ксенофобных настроений и регулированию конфликтных ситуаций ведут этносоциологи также в Санкт-Петербурге, Казани, Улан-Удэ, Элисте, Уфе, Якутске, Оренбурге, Екатеринбурге, Сыктывкаре, Петрозаводске и многих других городах страны.

Особенно значима проблема, связанная с прогнозированием этносоциальных процессов. Конечно, вряд ли возможна категоричность в прогностических суждениях, ибо этнонациональные отношения, зависящие от множества факторов, далеко не всегда подчинены абстрактной логике и разумным ожиданиям. Признание и даже внешний триумф позитивных межнациональных отношений совсем не обязательно сочетаются с подлинными социально-культурными преимуществами в развитии этносов и их взаимодействии. Ведь люди в большинстве своем до сих пор легко поддаются господствующим нормам (привычного для них) массового сознания, подчас даже независимо от того, отвечают или нет эти нормы их реальным интересам. Этносоциологические исследования призваны ответить на вопрос, насколько устойчивы традиционные, подчас консервативные этносоциальные установки у различных групп населения, и как они соотносятся с оптимальными нормами общественного развития.

Исключительное значение в этом плане имеют интегративные процессы в многокультурном обществе. Органическая включенность в общественную среду в нашем отечественном социуме может фиксироваться множеством индикаторов, среди которых один из основных - *выраженность национально-гражданского сознания*. Кем "россияне" разной этнической принадлежности себя в первую очередь чувствуют, что они в большей мере ощущают - свою этнонациональную принадлежность или "гражданственность" (гражданство)? Этносоциологические исследования фиксируют весьма выраженную вариативность этих выборов, зависящую и от ситуации, и от приобщенности к собственному "родному" этносу, и от его конкурентоспособности в той или иной среде.

Приоритет гражданского сознания независимо от национальности, как свидетельствуют исследования, характерен для относительно более активной части населения [38]. Те, кто чувствует себя прежде всего россиянами, - будь то русские, украинцы, армяне, татары или люди других национальностей - ко всем иноэтничным группам относятся заметно лучше, чем те, для кого собственная национальность (как бы "родовая" этническая принадлежность) более значима. В рамках Российской Федерации "россияне" - это, по существу, образ, выражающий интегрированное национально-общественное самосознание, что сказывается на их установках и конкретном поведении. Среди них (независимо от их этнонациональной принадлежности) в целом выше, чем среди людей, замкнутых на собственную национальность, - образование, социальный статус, активнее общественная жизнь, выраженнее приобщенность не только к "своей", но и к инонациональной культуре, наконец, меньше этнических предубеждений и заметнее межнациональные контакты [см. 38, 30 и др.].

И все же, несмотря на более благоприятную, чем десятилетие назад, ситуацию, не должно быть места для иллюзий и благодушного оптимизма. Позитивные межнациональные отношения утверждаются, как свидетельствуют факты, далеко не беспрепятственно. Наиболее опасно замаскированное, агрессивное-преступное противостояние процессам межэтнической интеграции со стороны радикально-националистических сил. Поддержкой населения они не пользуются. К примеру, в Москве симпатию к профашистским националистическим группировкам скинхедов питает лишь 2% русского населения, но, тем не менее, не должно быть обманчивых иллюзий и убежденности в абсолютном благополучии. Ведь за единичными процентами экстремистов стоят тысячи людей, причем их больше среди мужчин и молодежи. К тому же надо иметь в виду, что в неблагоприятной ситуации "скромный" пока этнический экстремизм может провоцироваться, причем даже в относительно моноэтничной среде. Известны, например, происходившие в недавнем прошлом этнонациональные погромы не только в многонациональных Москве и Петербурге, но и в других местах - Владивостоке, Волгограде, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Самаре, Чите и др. [39]. Статистика, приводимая в печати, говорит о высокой преступности среди "инородцев", но чаще всего не уточняет, о какой именно преступности идет речь, а ее диапазон весьма велик - от фальшивой регистрации места жительства до убийств. Фальшивая регистрация места жительства - конечно, частое нарушение инонациональных мигрантов. Но если

речь идет о самых тяжелых преступлениях - убийствах, - то здесь мигранты, судя по последней информации, например, по Москве (за январь 2008 г.) - только жертвы [40]. Таким образом, сегодня при в целом спокойном развитии межнациональных отношений в нашем обществе, даже в столичной, относительно здоровой среде необходимо постоянное внимание к их регулированию. Этносоциологические исследования, отвечая вызовам времени, могут вносить вклад в утверждение толерантности, конструктивности, гуманности многогранных отношений народов нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Tomas W., Znaniecki F.* The Polish Peasant in America & Europe, Boston, 1918 - 1920 (Vol. I-V).
2. См. *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М.* Этносоциология: некоторые итоги и перспективы // Академик Ю. В. Бромлей в отечественной этнологии 1960 - 1990-е годы. М.: Наука, 2003. С. 87.
3. Социальное и национальное. Опыт этносоциологического исследования по материалам Татарской АССР / Отв. ред. *Арутюнян Ю. В.* М.: Наука, 1973.
4. Правда, в различных культурах понимание этничности тоже различается. Так, в Великобритании, по свидетельству Э. Гидденса, термин "этническая принадлежность" используется, как правило, по отношению к культурным обычаям и традициям, отличающимся от "исконных" британских обычаев, которые представляются "не английскими" // *Гидденс Э.* Социология. М., 2005. С. 222.
5. *Скворцов Н. Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996; *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997; *его же.* Реквием по этносу. М.: Наука, 2003; *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998; *Коротеева В. В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: Аспект-Пресс, 1999; *Сикевич З. В.* Социология и психология межнациональных отношений. СПб.: Издательство Михайлова В. А., 1999; Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. *В. С. Малахова и В. А. Тишкова.* М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002; Расизм в языке социальных наук / Под ред. *В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова.* СПб.: Алетейя, 2002; Релятивистская теория нации / Отв. ред. *А. Г. Здравомыслов.* М.: РНИС и ИП, 1998 и др.
6. Конструирование этничности/ Под ред. *В. Воронкова и И. Освальд.* СПб., 1998.
7. *Сусоколов А. А.* Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию. М., 2006. С. 212 - 214.
8. *Weber M.* From Max Weber, *Essays in Sociology* / Gehr H. Wright, Mills C. (eds). L., 1948. P. 35.
9. *Коротеева В. В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: Аспект-Пресс, 1999; *Паин Э.* Этнополитический маятник. М., 2004. С. 31.
10. Ценности и символы национального самосознания в условиях имеющегося общества. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. С. 10.
11. *Дробижева Л.* Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в политических государствах/ Отв. ред. *Тишков В. А.* М.: Наука, 1994. С. 71.
12. *Комарофф Дж.* Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: Наука, 1994. С. 41.
13. Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. N 4. С. 7 - 8.
14. *Schutz A.* Sens commun et interpretations scientifique de Taction humaine // *Le chercheur et le quotidien* / Trad. Franc. Paris: Meridiens - Klincksieck, 1987.
15. *Бурдые П.* Начала. М., 1994. Перевод М. А. Шматко.
16. *Дробижева Л. М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. Отв. ред. *Дробижева Л. М.* М.: Институт социологии, 2002. С. 220 - 221; *Губогло М. Н.* Идентификация идентичности. М.: Наука, 2003. С. 203, 205.
17. Интервью с профессором *Я. Тишковым* // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. N 14. С. 30.
18. Проект реализован в 1993 - 1996 гг. Руководитель - *Л. М. Дробижева; Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг. М.: Мысль, 1996. С. 306.
19. *Воронков В., Освальд И.* Введение. Постсоветские идентичности // Конструирование этничности. СПб: ЦНСИ, 1998. С. 13.
20. *Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг. М.: Мысль, 1996; *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М.: "Смысл", 1998; *Дробижева Л. М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость / Россия реформирующаяся. М.: Институт социологии, 2003 и др.
21. *Арутюнян Ю. В.* Армяне в Москве // Социол. исслед. 2001. N 9.
22. *Тишков В. А.* Реквием по этносу. С. 120 - 123.
23. *Тошченко Ж. Т.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.
24. Социально-культурное сближение наций / Отв. ред. *Арутюнян Ю. В., Бромлей Ю. В.* М.: Наука, 1986.
25. Население Еревана / Отв. ред. *Ю. В. Арутюнян, Э. Т. Карапетян.* М., 1986.

26. *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты. *Аклаев А. Р.* Этнополитология. *Паин Э. А., Малиново Н. Р.* Парадоксы межнационального общения. (Опыт этносоциологического исследования в Азербайджане). М., 1992. *Паин Э. А.* Этнополитический маятник. М., 2004. *Губогло М. Н.* Языки этнической мобилизации. М., 1998. *Дмитриев А. В.* Этнический конфликт: теория и практика. М., 1998 и др.
27. *Денисова Г. С., Уланов В. П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003; Русские в новом зарубежье / Отв. ред. *Савоскул С. С. М.*: ИЭА РАН, 1996.
28. *Арутюнян Ю. В.* Трансформация постсоветских наций. М., 2003; Русские в новом зарубежье. М., 1996.
29. Неравенства этнических групп: представления и реальность. М., 2002; *Ильин В. И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества. Опыт структурно-конструктивного анализа. Сыктывкар, 1996.
30. *Дробижеева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений. М: ИС РАН, 2003; *Савва М. В., Савва Е. В.* Указ. соч.; *Арутюнян Ю. В.* Москвичи - этносоциологическое исследование. М., 2007; *Остапенко Л. В., Субботина ИМ.* Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом. М., 2007; Стабильность и конфликт в Российском приграничье / Отв. ред. *В. И. Дятлов, С. В. Рязанцев.* М, 2005; Национально-гражданская идентичность в России и Украине / Отв. ред. *Дробижеева Л. М., Е. И. Головаха.* М., 2007; *Мукомел., В. И, Кузнецов ИМ.* Адаптационные возможности и сетевые связи миграционных этнических меньшинств. М., 2005 и др.
31. Европейское социальное исследование (ESS), 2006 (см. <http://www.europeansocialsurvey.org>). Проект "ESS-Россия" проводится Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), национальный координатор *А. В. Андреев* (www.cessi.ru)
32. Социально-культурный облик советских наций/Отв. ред. *Арутюнян Ю. В., Бромлей Ю. В.* М., 1986.
33. *Шкаратан О. И., Карачаровский В. В.* Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. 2002. N 2.
34. Мониторинг общественного мнения, N 3 (65). М., 2003; *Наумов А., Хофитед Г.* Измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. N 3.
35. *Сусоколов А. А.* Культура и обмен. Введение в этносоциологическую антропологию. М., 2006.
36. Неравенство этнических групп: представления и реальность / Отв. ред. *Дробижеева Л. М.* М., 2002.
37. *Арутюнян Ю. В., Дробижеева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология М.: Аспект-пресс, 1998, 1999; *Сикевич З. В.* Социология и психология национальных отношений. СПб, 1999; *Денисова Г. С., Радовель М. Р.* Этносоциология. Ростов-на-Дону, 2000; *Быков А. А.* Этносоциология. Конспект лекций. Томск, 2005; *Сергеева З. Х., Сергеев С. А.* Этносоциология и проблемы политики. М., 2000 и др.
38. См., например, *Арутюнян Ю. В.* О симптомах межэтнической интеграции в постсоветском обществе // Социол. исслед. 2007. N 7. С. 19.
39. См. *Дмитриев А. В., Пядухов Г. А.* Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда // Социол. исслед. 2005. N 8. С. 97 - 98.
40. Известия. 2008. 20 февраля.